

типа *пошел к соседям* (цель – посетить соседей по делу или для общения). Соответствующие формы последовательно образуют парадигмы типа: *у соседей / у Ивана Ивановича – к соседям / к Ивану Ивановичу – от соседей / от Ивана Ивановича* и под.

Естественно, что метонимическое совмещение значений места и цели обусловлено тем, что наименования соответствующих учреждений связаны в сознании говорящих с определенным целевым назначением, а наименования мероприятий или видов деятельности – с определенным местом их реализации. Поэтому в условиях пресуппозиции выбор реплик типа *он ушел в филармонию* или *на концерт*; *ушел в магазин* или *за хлебом*; *ушел в институт* или *на работу* часто оказывается безразличным.

Несколько схематизируя результаты предложенного анализа, можно констатировать, что **грамматические** системы предложно-падежных форм, выражающих значение цели и причины, в своих совпадениях с разными подсистемами и компонентами пространственной парадигмы обнаруживают **метафорическое происхождение**. При этом грамматические средства выражения конкретной пространственной семантики естественно закрепились в сферах выражения более абстрактных отношений, но утратили при этом многие дифференциальные признаки, свойственные соответствующим формам пространственной парадигмы.

Метонимическое совмещение значений места и времени, направления и цели, рассматриваемое в последней части статьи, наблюдается при использовании определенных групп **субстантивной лексики**. Это названия мест, соотносящихся с определенными периодами жизни или событиями; названия учреждений или тех видов деятельности, которые устойчиво связаны с ними, и т.д. В то же время, при преобладании лексико-семантических и чисто дискурсивных факторов, такое совмещение может, как показано выше, получать и грамматическое выражение. Это проявляется, с одной стороны, в употреблении предлога **на**, специализировавшегося для выражения совмещенных значений (*на войне, на экзамене, на приеме, на встрече, на спектакле* и под.). С другой стороны, грамматическим проявлением совмещенных значений служит вхождение рассматриваемых конструкций в две разные парадигмы типа:

на экзамене – на экзамен, с экзамена;

на экзамене – перед экзаменом, после экзамена.

Литература

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Скобликова Е.С. Субстантивная лексика в трехчленных парадигмах обстоятельств датировки // Филологические науки. М., 2008. № 8.

Скобликова Е.С. Система падежных и предложно-падежных форм, выражающих момент времени // Русская филология: УЗ. КГПИ. Вып. 66. Куйбышев, 1969. С. 133-170;

Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971; М., 2005. С.106-134.

З.Н. Бакалова (Россия, Самара)

РОЛЬ ДИСКУРСА В ПОРОЖДЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОННОТАТИВНЫХ СМЫСЛОВ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СОЮЗОМ И

Дискурс – понятие широкое и многоплановое. Это связный текст художественного произведения с учетом совокупности социокультурных, психологических, исторических факторов его порождения, это целенаправленное действие, являющееся продуктом взаимодействия идей, их речевого воссоздания автором и их осознания читателями. На правах своих компонентов дискурс включает фоновые знания, вертикальный и горизонтальный контексты. Фоновые знания адресата (его пресуппозиции) – это совокупность информации об окружающем мире, необходимая для интерпретации (декодирования) той части сообщения, которая не выводится из прямого прочтения литературного произведения. «Пресуппозиция – это совокупность предварительных («фоновых») знаний, делающих возможным данное высказывание и его понимание» [Гак 1981: 14]. Под вертикальным контекстом обычно понимают историко-филологический аспект отдельного литературного произведения (реалии, аллюзии, цитаты, идиоматика и проч.). Горизонтальный контекст – это то, что читатель видит при прочтении, это контекст линейный, вербальный, выраженный лингвистическими средствами. На основе комплекса горизонтального, вертикального контекстов

и фоновых знаний, т.е. в дискурсе, возникает такое уникальное явление, как подтекст, вносящий в текст добавочное содержание и включающий «скрытый механизм ассоциативного мышления читателя» [Гальперин 1981: 74]. Контекст в современных исследованиях именуют «средой» существования и реализации языковых единиц (С.Г. Ильенко, А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, Н.К. Онипенко, Е.И. Костанди и др.). «Полное восприятие произведения словесно-художественного творчества зависит от объема фоновых знаний читателя, которые помогают проникнуть в вертикальный контекст произведения и насладиться литературным наследием того или иного автора, в полной мере восприняв создаваемые им художественные образы» [Борисова 2010: 55]. При этом читатель должен не только понять закодированный смысл, т.е. содержательно-фактуальную информацию, но и в полной мере почувствовать эмоционально-эстетическое воздействие литературного произведения.

Постановка вопроса о возможности активной художественной роли сочинительных союзов, в частности, их функции в качестве значимых языковых средств дискурса, на первый взгляд, представляется странной. Однако «успешность интерпретации художественного текста связана с определением характера отношений в тексте... и установлением связи его элементов» [Николина 2003: 3]. Эти связи и отношения репрезентируются не только знаменательными, но и служебными словами, в том числе союзами. Сочинительные союзы в дискурсе художественного произведения могут активно способствовать осознанию основных идей художественного текста, восприятию его пафоса, мотивов, участвовать в изображении героев, служить сигналами поворота сюжета, оформлением моментов истины (догадок, озарений литературных персонажей), служить языковым средством изображения комических ситуаций и пр. [Бакалова, Краснова 2008]

В настоящей статье речь пойдет только о коннотативных смыслах высказываний с наиболее частотным релятивом русского языка – союзом И. Наблюдения проводятся на материале романа М.Булгакова «Белая гвардия», где сочинительные высказывания являются одним из доминантных синтаксических средств писателя. Наша задача – выяснить связь коннотаций сочинительных отношений художественного произведения с его дискурсом.

В учебной литературе и толковых словарях русского языка обычно не отмечается никакого дополнительного коннотативного значения союза И, следовательно, молчаливо предполагается его нейтральность. «Отсутствие пометы, – справедливо пишет Д.Н. Шмелев, – является значимым. Слово, которое не снабжено никакой пометой, тем самым признается нейтральным в стилистическом и экспрессивном плане» [Шмелев 1977: 154]. Действительно, И обслуживает все стили русского языка без исключения. Это самое частотное, а значит, и наиболее нужное слово. В любом стиле везде и всегда оно необходимо, чтобы соединять друг с другом и перечислять непротиворечивые высказывания. С учетом этого, казалось бы, не может идти речи ни о каких коннотативных значениях, которые с неизбежностью сузили бы сферу применения этого поистине универсального средства связи. Однако ученые (В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, И.Н. Кручинина и др.) утверждали противоположное, находя у союза И широкие экспрессивные возможности. Очевидно, не следует удивляться такому противоречию. Многие лингвистические средства (особенно лексические) в языке обладают лишь потенциальной экспрессивностью, которую реализуют в определенных речевых условиях. Такая способность затрагивает и служебные слова, которые только на первый взгляд трудно «заподозрить» в какой бы то ни было выразительности. Но ведь союзные высказывания, передавая разнообразные отношения, тоже могут быть субъективно окрашены и соответствующим образом восприняты. Да и условия проявления экспрессии могут быть общими как для знаменательных, так и для служебных частей речи. Маленький союз И, обозначенный лишь одной буквой и передающий всего один звук, в художественном тексте романа «Белая гвардия» с силой, обратно пропорциональной своему размеру, реализует целый веер экспрессивных смыслов. Он способен оформлять синтаксические конструкции такого широкого спектра экспрессивно-стилистической тональности, который включает едва ли не свои противоположности. Разумеется, такой силой экспрессивного воздействия союз обладает только при поддержке лексико-грамматического наполнения предложения, активно взаимодействующего с союзом.

Изучение коннотации (экспрессии) сочинительных высказываний целесообразно осуществлять по трем направлениям: определение причин их выразительности, условий ее возникновения и самого результата, т.е. характера создаваемой экспрессии.

Причиной становятся авторские интенции: желание и умение субъекта речи употребить сочинительные структуры таким образом, чтобы обеспечить их художественно-эстетическое воздействие на читателя.

Условия проявления потенциальных экспрессивных свойств сочинительных высказываний могут быть как вне-, так и внутрилингвистическими. К экстралингвистическим факторам следует отнести личность автора, предмет сообщения, характер описываемой ситуации и пресуппозиции. Интралингвистические условия разнообразны. Их можно условно разделить на языковые, точнее речевые, и композиционно-речевые. К *речевым условиям* относим: структурно-семантические особенности предложений с сочинительной связью, лексические, грамматические и пунктуационные характеристики реализации экспрессии и даже звуковой и интонационный рисунки сочинительных высказываний. *Композиционно-речевая обусловленность* выразительности сочинительных структур проявляется в постановке союза в абсолютное начало или конец текстовых фрагментов, в участии союза в фигурах речи, в монтажных формах речи, в «золотом сечении» художественного произведения.

Под *структурно-семантическим аспектом* речевых условий, в первую очередь, понимаются структурно-семантические разновидности модели предложений с союзом И (их модификации, регулярные реализации). Особенно выразительны высказывания со значением противопоставления или несоответствия, где И = НО или А. И это закономерно. Ведь конструкции с такими значениями как бы «выламываются» из общей системы вариантов соединительной семантики как нечто принципиально противоречащее соединению гармоничных явлений. И.Н. Кручинина тоже связывает причину экспрессивного напряжения с выходом союза И за пределы своего основного значения и со вступлением в зону «действия других, смежных форм». Иными словами, экспрессивное напряжение - «верный спутник асимметрического дуализма, конфликта между материальной стороной слова и его идеальным содержанием» [Кручинина 1988: 22]. Именно такой конфликт содержания и формы, категориальной семантики союза И и авторских задач его употребления, когда требуется вербализовать не гармонию, а дисгармонию, порождает экспрессию как изобразительную силу воздействия на читателя. Судя по содержанию второго компонента, прямо противоположного первому, союз И никак не должен бы употребляться, но в целях наибольшей выразительности автор использует именно его. Непривычность подобных смысловых связей в метаязыке некоторых исследователей получила название «несопряженности».

Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете. Ни турка, ни гитары под кованым фонарем на Бронной, ни земского союза... Ни черта.

...И было другое – лютая ненависть. Избрание состоялось с ошеломляющей быстротой – и слава Богу. Гетман воцарился – и прекрасно.

В первом случае И=НО, поскольку эксплицируется отношение противопоставления. Во втором случае факты и их оценка тоже довольно неожиданны. Ведь раньше в романе «Белая гвардия» о гетмане говорилось как о фигуре достаточно одиозной.

Лексические условия, сопутствующие возникновению экспрессии сочинительных высказываний, заключаются в характере их лексического наполнения: образности слов, наличии антонимических и синонимических связей однородных компонентов, в сопряженности-несопряженности их лексического состава. Образность переносных употреблений лексем всегда способствовала четкости и зримости представлений, пробуждая читательскую фантазию. Образы Булгакова могут достигать уровня символов, когда, например, писатель использует слова «метет» или «воет» (о вьюге), традиционно сочетающиеся в представлении людей со знаками беды и социальных катаклизмов; в данном случае, как понимает читатель по своим фоновым знаниям, под такими знаками подразумевается неотвратимо наступающая на Город революция.

Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже.

Просматриваемая в этой фразе ямбическая основа через энергию более или менее регулярного возвращения «светлых» гласных (а, и, е) способствует ощущению размаха пугающей социальной бури. Примешивающиеся к ним полноударные «темные» звуки (о, у) вносят в этот звукоряд представления о чем-то тягостном и опасном, что на лексическом уровне поддерживается символическими смыслами (*метет*). Четырехкратное дублирование союза И оставляет однородный ряд открытым в соответствии с представлением о нескончаемости гражданской разрухи и вносит значение неопределенной протяженности. В результате совокупностью языковых средств как фонетико-акцентологического, так и лексико-грамматического характера автору удается вписать в материю текстового фрагмента важную имплицитную информацию, создав ощущение обреченности и безнадежности, которое читатель впитывает интуитивно, не вдаваясь в то, какими способами это достигается художником слова.

К ярким *грамматическим условиям* реализации экспрессивного звучания сочинительных конструкций следует отнести позицию союзов в сочинительных структурах. Например, редкое в употреблении *постпозитивное И* дает эффект оборванности, недосказанности информации, остающейся для домысливания. Подтекстные смыслы отчасти подсказываются предыдущим контекстом и фоновыми знаниями о гражданской войне 1918-1920 гг. на Украине, но все же не детализируются, оставляя некую завесу тайны. Поневолле начинается домысливание, ожидание.

Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Экспрессия однородных компонентов связана также с *количественными факторами*, а именно с составом сочиненных компонентов и степенью их «обремененности» второстепенными членами. Чем больше частей однородного ряда, тем многообразнее информация сочинительных высказываний. Иногда это целый кладезь сведений, нанизанных друг на друга союзами и тесно связанных друг с другом семантически.

В нем (городе. – З.Б.) и полиция – варта, и министерство, и даже войско, и газеты различных наименований; Лишь бы на рынках было мясо и хлеб, а на улицах не было стрельбы, и чтобы, ради самого господ, не было большевиков, и чтобы простой народ не грабил.

Оба фрагмента о положении дел в Киеве служат одной цели: экспрессивно передать разнообразие радующих обывателя примет стабильности жизни.

Нагруженность однородного ряда второстепенными членами создает добавочную информацию, с увеличением которой, как правило, возрастает и экспрессивная сила «клубка» событий или впечатлений.

Вечно загадочные глаза учителей, и страшные, до сих пор еще снящиеся бассейны, из которых вечно выливается и никак не может вылиться вода, и сложные рассуждения о том, чем Ленский отличается от Онегина, и как безобразен Сократ, и когда основан орден иезуитов, и когда высадился Помпей, и еще кто-то высадился, и высадился и высаживался в течение двух тысяч лет.

К композиционно-речевым условиям вербализации экспрессии сочинительных структур относим: фигуры речи, повторы, «золотое сечение» (композиционные центры текстовых фрагментов), монтажные формы речи, употребление союза в абсолютном начале текстовых построений (подробнее о композиционно-речевых условиях см. [Бакалова 2007]).

Термин *фигуры речи* понимается в филологической науке расширительно – как любые средства, придающие речи образность и выразительность, и узко - как синтагматически образуемые средства выразительности [Скребнев 1998: 591]. У нас речь пойдет об узком понимании фигур речи, созданных путем стилистически значимого построения синтаксических единиц. В «Белой гвардии» немало выразительных синтаксических фигур, опирающихся на сочинительную связь. Приведем некоторые из них. Это, например, фигуры «убавления» и, напротив, – «увеличения».

Фигура «убавления», или «умолчания» (апосиопеза), пример которой уже приводился выше, – это умышленно незавершенное высказывание, «оборванное» на постпозитивном сочинительном союзе с многоточием – знаке несостоявшейся продолженности.

– Я уверена, что на их поезд напали и...

В данном случае союз «И...» маркер чего-то ужасного. Воспаленное воображение встревоженной жены рисует такие картины, о которых ей и сказать-то вслух страшно. *Незаконченность* неоднократно упоминавшихся *текстовых единиц* с союзами типа И... будит сотворческую активность читающего. Основную смысловую нагрузку несут при этом невербализованные компоненты, а экспликатором смысла выступает союз, задающий направление мысли. Как видим, речевые и композиционно-речевые условия перекрещиваются друг с другом.

Композиционно-речевым условием экспликации сочинительных смыслов относится и *дистантная перекличка* языковых единиц с предшествующим контекстом. Вспомним «*И где же сенегальцев роты?*», неожиданно произнесенное Мышлаевским в разгар веселого бражничества с друзьями. Системно взаимодействуя, дистантно перекликаясь, словосочетание «*сенегальцев роты*» синтезирует подтекст и создает в нашем сознании образы патриотически настроенных офицеров, в душе которых в любых житейских ситуациях одно: как защитить родной Город. Пресуппозицией в данном случае служат знания образованных читателей о неосуществленных обещаниях Антанты помочь войсками из своего сенегальского подразделения. Постоянная обеспокоенность судьбой отечества – это то приращение смысла, которое происходит из взаимодействия предложения о сенегальцах с макроконтекстом и фоновыми знаниями реципиентов. Это предложение выступает, таким образом, не только в своей первичной функции, но и во вторичной, художественной, эксплицирующей дополнительный смысл и коннотативные нюансы. Иными словами,

автор заменил банальную мысль «Офицеры обеспокоены» на более выразительную разговорно-эмоциональную с подтекстной подоплекой, активизируя тем самым содержательное и эмоциональное восприятие читателя.

Общий характер коннотативного воздействия И-связи заключается в том, что в качестве одного из изобразительно-выразительных средств она помогает создать художественные картины жизни с адекватным им эмоциональным настроением весьма широкого диапазона: сожаления, тревоги, удовлетворения и даже юмора. Иллюстрацией проявления комичности ситуации может служить клятва Николки не спать в нужный момент.

Ночью Николка зажег верхний фонарь в своей угловой комнате... Хотел не спать, чтобы не пропустить звонка. Елене в стену постучал и сказал: Ты спи, я не буду спать.

И сейчас же после этого заснул как мертвый одетым, на кровати. Елена же не спала до рассвета и все слушала и слушала, не раздастся ли звонок.

Таким образом, экспрессивная сфера художественного пространства романа «Белая гвардия», как, очевидно, и других литературных произведений, оказывается наиболее способной к реализации разнообразных ипостасей сочинительных И-конструкций. Именно здесь наблюдается обилие контекстуально и дискурсивно обусловленных разновидностей коннотативных смыслов сочинительных высказываний. Именно в экспрессивной сфере сочинительная связь особенно наглядно проявляет субъективную модальность в виде эмоциональной оценки описываемых событий автором, персонажами, читателями. Казалось бы, самые стилистически нейтральные союзы в соответствующих контекстуальных окружениях в совокупности с лексико-грамматическим наполнением предложений и с учетом фоновых знаний автора и читателей оказываются действенным способом выражения коннотативных смыслов самого широкого диапазона.

Литература

Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М.А.Булгакова «Белая гвардия»). Самара, 2007. 148 с.

Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Художественная роль русских сочинительных союзов (на материале рассказов В.М.Шукшина) // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и международная коммуникация. №3. Воронеж, 2008. С. 29-35.

Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: монография. Самара: ПГСГА, 2010. 356 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1981. 208 с.

Гальперин А.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988. 212 с.

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.

Скрёбнев Ю.М. Фигуры речи // Большая Российская энциклопедия. М., 1998. С. 591.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

А.А. Безрукова (Россия, Самара)

АББРЕВИАТУРЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В ЗАГОЛОВКАХ И НАЗВАНИЯХ РУБРИК

Современные средства массовой информации ведут отчаянную борьбу за читателя. Это обстоятельство предопределило значительное изменение их внешнего облика: газеты и журналы стали броскими, яркими, многоцветными, с большим количеством фотоматериалов. Борьба за внимание читательской аудитории сказалась и на содержании публикуемых материалов. Квинтэссенцией содержания статей являются заголовки и названия рубрик. Именно к ним в первую очередь обращается читатель, оценивая, стоит ли углубляться в текст. А потому заголовки должны выглядеть многообещающе. В штате некоторых газет есть сотрудники, которые занимаются только придумыванием заголовков. В результате даже в солидных изданиях, не принадлежащих к «желтой прессе», обнаруживаются весьма экспрессивные, зачастую игровые заголовки.

Наше внимание привлекло то обстоятельство, что в составе игровых заголовков в газетах и журналах все чаще обнаруживаются аббревиатуры и их производные. Это, вне всякого сомнения, говорит о том,